

Анна
Ахматова

Поэма без героя

Анна Ахматова

ПОЭМА
БЕЗ
ГЕРОЯ

ARDIS

Copyright ©1978 by Ardis

ISBN 0-88233-389-5

**Ardis
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104**

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

Триптих
1940-1962

Ленинград-Ташкент-Москва

Di rider finirai
Pria dell'aurora.

Don Giovanni

ИЗ ПИСЬМА К Н.

...Вы, зная обстановку моей тогдашней жизни, можете судить об этом лучше других.

Осенью 1940 года, разбирая мой старый (впоследствии погибший во время осады) архив, я наткнулась на давно бывшие у меня письма и стихи, прежде не читанные мною („Бес попутал в укладке рыться“). Они относились к трагическому событию 1913 г., о котором повествуется в *Поэме без героя*.

Тогда я написала стихотворный отрывок „Ты в Россию пришла ниоткуда“ в связи с стихотворением „Современница“. Вы даже, может быть, еще помните, как я читала Вам оба эти стихотворения в Фонтанном Доме в присутствии старого шереметевского клена („а свидетель всего на свете...“).

В бессонную ночь 26-27 декабря этот стихотворный отрывок стал неожиданно расти и превращаться в первый набросок *Поэмы без героя*. История дальнейшего роста поэмы кое-как изложена в бормотании под заглавием „Вместо предисловия“.

Вы не можете себе представить, сколько диких, нелепых и смешных толков породила эта „Петербургская повесть“.

Строже всего, как это ни странно, ее судили мои современники, и их обвинения сформулировал в Ташкенте Х., когда он сказал, что я свожу какие-то старые счета с эпохой (10-е годы) и людьми, которых или уже нет, или которые не могут мне ответить. Тем же, кто не знает некоторые „петербургские обстоятельства“, поэма будет непонятна и неинтересна.

Другие, в особенности женщины, считали, что *Поэма без героя* — измена какому-то прежнему „идеалу“, и, что еще хуже, разоблачение моих давних стихов *Четки*, которые они „так любят“.

Так в первый раз в жизни я встретила вместо потока потоки искреннее негодование читателей, и это, естественно, вдохновило меня. Затем, как известно каждому грамотному человеку, , и я совсем перестала писать стихи, и все же в течении пятнадцать лет эта поэма неожиданно, как припарки какой-то неизлечимой болезни, вновь и вновь настигала меня (случалось это всюду — в концерте при музыке, на улице, даже во сне), и я не могла от нее оторваться, дополняя и исправляя повидимому оконченную вещь.

(Но была для меня та тема,
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.

Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жадой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой.)

И не удивительно, что Х., как Вам известно, сказал мне: „Ну, Вы пропали, она Вас никогда не отпустит”.

Но... я замечаю, что письмо мое длинее, чем ему следует быть, а мне еще надо...

1955, 27 мая, Москва

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Deus conservat omnia.

Девиз на гербе Фонтанного Дома

Иных уж нет, а те далече.

Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 года, прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок.

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части („1913” и „Посвящение”). В начале января я почти неожиданно для себя написала „Решку”, а в Ташкенте (в два приема) — „Эпилог”, ставший третьей частью поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.!

Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей — моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943 года

Ташкент

До меня часто доходят слухи и нелепых толкованиях *Поэмы без героя*. И кто-то даже советует сделать мне поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, серьмых и двадцать девярых смыслов поэма не содержит.

Ни изменять, ни объяснять ее я не буду.

„Еже писах — писах”.

Ленинград
Ноябрь 1944 года

ПЕРВОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Памяти Вс. К.

.....
...а так как мне бумаги не хватило,
я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает,
и, как тогда снежинка на руке,
доверчиво и без упрёка тает.
И темные ресницы Антиноя
вдруг поднялись — и там зелёный дым,
и ветерком повеяло родным...
Не море ли?

Нет, это только хвоя
могильная, и в накипае пен
все ближе, ближе...

Marche funèbre...

Шопен...

27 декабря 1940 г.
Ночь. Фонтанный Дом

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

О. А. Г. - С.

Ты ли, Путаница-Психея,
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной.
Не диктуй мне, сама я слышу:
Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.
Сплю —
она одна надо мною.
Ту, что люди зовут весной,
Одиночеством я зову.
Сплю —
мне снится молодость наша,
Та, е г о миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,
Если хочешь, отдам на память,
Словно в глине чистое пламя
Иль подснежник в могильном рву.

25 мая 1945 г.

Фонтанный Дом

ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

Раз в крещенский вечерок...

Жуковский

Полно мне леденеть от страха,
лучше кликну Чакону Баха,
а за ней войдет человек,
он не станет мне милым мужем,
но мы с ним такое заслужим,
что смутится Двадцатый век.
Я его приняла случайно
за того, кто дарован тайной,
с кем горчайшее суждено.
Он ко мне во дворец Фонтанный
опоздает ночью туманной
новогоднее пить вино.
И запомнит Крещенский вечер,
клен в окне, венчальные свечи
и поэмы смертный полет...
Но не первую ветвь сирени,
не кольцо, не сладость молений —
он погибель мне принесет.

5 января 1956 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗ ГОДА СОРОКОВОГО,
КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.
КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА
С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,
КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ
И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

25 августа 1941 г.

Осажденный Ленинград

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД

Петербургская повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз.

Четки

С Татьяной нам не ворожить...

Пушкин

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени тринадцатого года под видом ряженных. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление — „Гость из Будущего”. Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобой, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.
Но...
Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя
„И вино, как отрава, жжет”.¹

Это всплески жесткой беседы,
Когда все воскресают бреды,
А часы все еще не бьют...
Нету меры моей тревоге,
Я сама, как тень на пороге,
Стерегу последний уют.
И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный,
Камнею, стыну, горю...
И, как будто припомнив что-то,
Повернувшись вполоборота,
Тихим голосом говорю:
„Вы ошиблись: Венеция дождей —
Это рядом... Но маски в прихожей,
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!”
Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
Дапертутто, Иоканааном;
Самый скромный — северным
Гланом
Иль убийцею Дорианом,
И все шепчут своим Дианам
Твердо выученный урок.
А какой-то еще с
тимпаном
Козлоногую приволок.
И для них расступились стены,
Вспыхнул свет, завыли сирены,
И, как купол, вспух потолок.

Я не то что боюсь огласки...
Что мне гамлетовы подвязки
Что мне вихрь саломеиной пляски,
Что мне поступь Железной
Маски!
Я сама пожелезней тех...
И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
И замаливать давний грех?..
Ясно все:
не ко мне, так к кому же!²
Не для них здесь готовился ужин,
И не им со мной по пути.
Хвост запрятал под фалды фрака...
Как он хром и изящен...
Однако...
Я надеюсь, Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?..
Маска это, череп, лицо —
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя смел передать.
Общий баловень и насмешник, —
Перед ним самый смрадный
грешник —
Воплощенная благодать...
Веселиться — так веселиться! —
Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?
Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет

Закононая синева.
Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.
С той, какою была когда-то,
В ожерелье черных агатов,
До долины Иосафата³
Снова встретиться не хочу...
Не последние ль близки сроки?..
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки,
Но меня не забыли вы.
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой
листвы.

*Б Звук шагов тех, которых нету,
Е По сияющему паркету,
Л И сигары синий дымок.
Ы И во всех зеркалах отразился
Й Человек, что не появился
И проникнуть в тот зал не мог.
З Он не лучше других и не хуже,
А Но не веет Летейской стужей,
Л И в руке его теплота.
Гость из Будущего! — Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста?*

...С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них „б е з л и ц а и н а з в а н ь я”
Затесалась...

Откроем собрание
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...

Постой,
Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках,⁴
Полосатой наряжен верстой, —
Размалеван пестро и грубо —
Ты...

ровесник Мамврийского дуба,
Вековой собеседник луны.
Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы;
Хаммураби, ликурги, солоны
У тебя поучиться должны.
Существо это странного нрава,
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.
И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем...

Поэтам

Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета
Или сгинуть!..

Да что там! Про это
Лучше их рассказали стихи.
Крик петуший нам только снится,
За окошком Нева дымится,
Ночь бездонна и длится, длится —
Петербургская чертовня...
В узких окнах звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно,
Но бездумна, легка, бесстыдна
Маскарадная болтовня...

Крик:

„Героя на авансцену!”
Не волнуйтесь: дылде на смену
Неприменно выйдет сейчас
И споет о священной мести...
Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядят тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И еще не оплаканный час.

*Это все наплывает не сразу,
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: „Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живую,
Но ты будешь м о е й вдовой,*

Ты — Голубка, солнце, сестра!"
На площадке две слитые тени...
После — лестницы плоской ступени,
Вопль: „Не надо!" и в отдаленье
Чистый голос:
„Я к смерти готов”.

Факелы гаснут, потолок опускается. Белый зеркальный зал снова делается комнатой автора. Слова из мрака:

Смерти нет — это всем известно,
Повторять это стало пресно,
А что есть — пусть расскажут мне.
Кто стучится?
Ведь всех впустили.
Это гость зазеркальный. Или
То, что вдруг мелькнуло в окне...
Шутки ль месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит?
Бледен лоб, и глаза открыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит...
Вздор, вздор, вздор! — От такого вздора
Я седую сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.
Что ты манишь меня рукою?!

За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.

Через площадку (Интермедия)

Где-то вокруг этого места („...Но бездумна, легка, бесстыдна маскарадная болтовня...“) бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст:

„Уверяю, это не ново...
Вы дитя, синьор Казанова...“
„На Исакьевской ровно в шесть...“
„Как-нибудь побредем по мраку,
Мы отсюда еще в „Собаку“.
„Вы отсюда куда?“—
„Бог весть!“

Санчо Пансы и Дон-Кихоты
И, увы, содомские Лоты
Смертоносный пробуют сок,
Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены,
И безумья близится срок.
И опять из Фонтанного Грота,
Где любовная стынет дремота,
Через призрачные ворота
И мохнатый и рыжий кто-то
Козлоногую приволок.
Всех наряднее и всех выше,
Хоть не видит она и не слышит —
Не клянет, не молит, не дышит,
Голова Madame de Lamballe,
А затейница и красотка,

Ты, что козью пляшешь чечетку,
Снова гулишь нежно и кротко:
„Que me veut mon Prince Carnaval?”

И в то же время в глубине залы, сцены, ада или на
вершине гетевского Брокена появляется Она же (а мо-
жет быть, ее тень) :

Как копытца топочут сапожки,
Как бубенчик звенят сережки,
В бледных локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна, —
Словно с вазы чернофигурной
Прибежала к волне лазурной,
Так парадно обнажена.
А за ней в шинели и в каске
Ты, вошедший сюда без маски,
Ты, Иванушка древней сказки,
Что тебя сегодня томит?
Сколько горечи в каждом слове,
Сколько мрака в твоей любви,
И зачем эта струйка крови
Бередит лепесток ланит?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?
„Голос памяти”, 1913 г.

Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она — Козлоногая, посредине — Путаница, слева — портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина, другим — Донна Анна (из „Шагов Командора”). За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя ночь. Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:

Распахнулась атласная шубка!
Не сердись на меня, Голубка,
Что коснусь я этого кубка:
Не тебя, а себя казню.
Все равно подходит расплата —
Видишь — там, за вьюгой крупчатой
Мейерхольдовы арапчата
Затевают опять возню.
А вокруг старый город Питер, —
Что народу бока повытер,
(Как тогда народ говорил).
В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
В размалеванных чайных розах

И под тучей вороньих крыл.
Но летит, улыбаясь мнимо,
Над Мариинской сценой prima,⁵
Ты — наш лебедь недостижимый,
И острит опоздавший сноб.
Звук оркестра, как с того света, —
(Тень чего-то мелькнула где-то),
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб?
И опять тот голос знакомый,
Будто эхо горного грома, —
Наша слава и торжество!
Он сердца наполняет дрожью
И несется по бездорожью
Над страной, вскормившей его.⁶
Сучья в иссиня-белом снеге...
Коридор Петровских коллегий
Бесконечен, гулок и прям
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там).
До смешного близка развязка:
Из-за ширм Петрушкина маска,
Вкруг костров кучерская пляска,
Над дворцом черно-желтый
стяг...
Все уже на местах, кто надо;
Пятым актом из Летнего сада
Пахнет... Призрак цусимского
ада
Тут же. — Пьяный поет моряк.

Как парадно звенят полозья,
И волочится полость козья...
Мимо, тени! — Он там один.
На стене его твердый профиль.
Гавриил или Мефистофель —
Твой, красавица, Паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом —
Все таинственно в прищелце.
Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале,
Или все это было сном?..
С мертвым сердцем и мертвым взором,
Он ли встретился с командором,
В тот пробравшись проклятый
дом!

И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы —
И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
Там, у устья Леты — Невы.
Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.
Так плясать тебе — без партнера.
Я же роль рокового хора
На себя согласна принять.

*На щеках твоих алые пятна;
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть,
превозмочь.*

... Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов:
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты — один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О, подруга поэтов,
Я наследница славы твоей.
Здесь под музыку дивного метра
Ленинградского дикого ветра
И в тени заповедного кедра
Вижу танец придворных костей...
Оплывают венчальные свечи,
Под фатой поцелуйные плечи,
Храм гремит: „Голубица, гряди!”
Горы пармских фиалок в апреле —
И свиданье в Мальтийской капелле,
Как проклятье в твоей груди.
Золотого ль века виденье
Или черное преступленье
В грозном хаосе давних дней?
Мне ответь хоть теперь:

неужели

Ты когда-то жила в самом деле
И топтала торцы площадей
Ослепительной ножкой своей?..
Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амуры
Охраняют Венерин алтарь.
Певчих птиц не сажала в клетку,
Спальню ты убрала, как беседку,
Деревенскую девку-соседку
Не узнает веселый скобарь.⁷
В стенах лесенки скрыты витые,
А на стенах лазурных святые, —
Полукрадено это добро...
Вся в цветах, как „Весна” Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
И томился драгунский Пьеро, —
Всех влюбленных в тебя суеверной,
Тот, с улыбкой жертвы вечерней,
Ты ему, как стали — магнит.
Побледнев, он глядит сквозь слезы,
Как тебе протянули розы
И как враг его знаменит.
Твоего я не видела мужа,
Я, к стеклу приникавшая стужа...
Вот он, бой крепостных часов...
Я крестами дома не мечу, —
Выходи ко мне смело навстречу —
Г о р о с к о п т в о й д а в н о
Г О Т О В . . .

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

И под аркой на Галерной...

А. Ахматова

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем.

О. Мандельштам

То был последний год...

М. Лозинский

Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее Воспоминание в Царском селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были Святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью
По Неве иль против течения —
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц стыл.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам

Приближалась медленно тень —
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше,
И кладбищем пахла сирень.
И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман,
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка.
Как пред казнью бил барабан...
И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Непонятный таился гул...
Но тогда он был слышен глухо,
Он почти не касался слуха
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек, —
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

*А теперь бы домой скорее
Камероновой галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять⁸ мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад.
Там за островом, там за садом,
Разве мы не встретимся взглядом*

*Наших прежних ясных очей?
Разве ты мне не скажешь снова*

Победившее

смерть

слово

*И разгадку жизни
моей?*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Любовь прошла, и стали ясны
И близки смертные черты.

Вс. К.

Угол Марсова поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамины. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 году. Горит высокий костер. Слышны удары колокольного звона от Спаса-на-Крови. На поле за метелью призрак дворцового бала. В промежутке между этими звуками говорит сама Тишина:

Кто застыл у померкших окон,
На чьем сердце „палевый локон”,
У кого пред глазами тьма?
„Помогите, еще не поздно!
Никогда ты такой морозной
И чужою, ночь, не была!”
Ветер, полный балтийской соли,
Бал метелей на Марсовом поле
И невидимых звон копыт...
И безмерная в том тревога,
Кому жить осталось немного,
Кто лишь смерти просит у Бога
И кто будет навеки забыт.
Он за полночь под окнами бродит,
На него беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь, —
И дождался он. Стройная маска
На обратном „Пути из Дамаска”

Возвратилась домой... не одна!
Кто-то с ней „б е з л и ц а
и н а з в а н ь я”...

Недвусмысленное расставанье
Сквозь косое пламя костра
Он увидел. — Рухнули зданья...
И в ответ обрывок рыдания:
„Ты, Голубка, солнце, сестра!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь м о е й вдовою,
А теперь...

Прощаться пора!”
На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит...
Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.

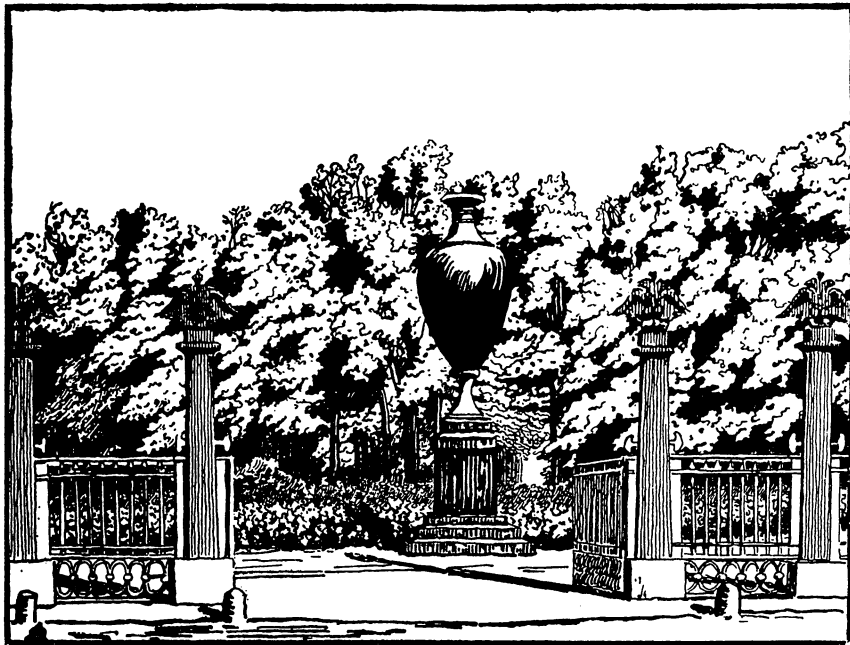
Гляди:
Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...
Он — на твой порог!
Поперек...
Да простит тебя Бог!

*Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту, —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит, и какой дороги
Перед ним откроется вид...*

Это я — твоя старая совесть —
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила —
и на цыпочках ушла...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСЕ В ПОРЯДКЕ: ЛЕЖИТ ПОЭМА
И, КАК СВОЙСТВЕННО ЕЙ, МОЛЧИТ.
НУ, А ВДРУГ КАК ВЫРВЕТСЯ ТЕМА,
КУЛАКОМ В ОКНО ЗАСТУЧИТ, –
И ОТКЛИКНЕТСЯ ИЗДАЛЕКА
НА ПРИЗЫВ ЭТОТ СТРАШНЫЙ ЗВУК –
КЛОКОТАНИЕ, СТОН И КЛЕКОТ,
И ВИДЕНЬЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Интермеццо

РЕШКА

My future is in my past.

Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость.

Пушкин

Место действия — Фонтанный Дом. Время — 5 января 1941 года. В окне призрак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвье великой молчалиницы — эпохи, и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок — дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры... В печной трубе воеет ветер, и в этом вое можно угадать следующие строфы. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать.

... жасминный куст,
где Данте шел и воздух пуст

Н. К.

I

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон
И ворчал: „Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен.

II

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, —
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой”.

III

Я ответила: „Там их трое —
Главный был наряжен верстою,
А другой как демон одет, —
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались...
Третий прожил лишь двадцать лет,

IV

И мне жалко его”. И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел.
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

V

А во сне все казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон — это тоже вещьца,
Soft embalmer,⁹ Синяя Птица,
Эльсинорских террас парапет.

VI

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издали слышав вой.
Все надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

VII

Не отбиться от рухляди пестрой.
Это старый чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

VIII

Карнавальной полночью римской
И не пахнет. Напев Херувимской
У закрытых церквей дрожит.
В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

IX

И со мною моя „Седьмая”
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухою землей набит.

X

.....
.....
.....
И проходят десятилетия:
Пытки, ссылки и казни — петь я,
Вы же видите, не могу.

XI

И особенно, если снится
То, что с нами должно случиться:
Смерть повсюду — город в огне,
И Ташкент в цвету подвенечном...
Скоро там о верном и вечном
Ветр азийский расскажет мне.

XII

..... 10
.....
.....
.....
.....
.....

XIII

Я ль растаю в казенном гимне?
Не дари, не дари, не дари мне
Диадему с мертвого лба.
Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.
На пороге стоит — Судьба.

XIV

И была для меня та тема,
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между „помнить” и „вспомнить”, други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут. ¹¹

XV

Бес в укладке попутал рыться...
Ну, а как же может случиться,
Что во всем виновата я?
Я — тишайшая, я — простая,
„Подорожник”, „Белая стая”...
Оправдаться... но как, друзья?

XVI

Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.
Я согласна на неудачу,
Я смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.

XVII

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила,
Что зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету, —
Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу.

XVIII

Чтоб посланец давнего века
Из заветного сна Эль Греко
Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,
Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов.

XIX

И тогда из грядущего века
Незнакомомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза,
Чтобы он отлетающей тени
Дал охалку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.

XX

А столетняя чаровница
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я не при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

XXI

Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой:
Я грозила ей Звездной Палатой
И гнала на родной чердак, —

XXII

В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал, —
И все жаворонки¹² всего мира
Разрывали бездну эфира,
И факел Георг¹³ держал

XXIII

Но она твердила упрямо:
„Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль,
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам июль.

XXIV

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу.
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу”.

3-5 января 1941 г.
Фонтанный Дом, и в Ташкенте,
и после.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭПИЛОГ

Люблю тебя, Петра творенье!
„Медный всадник“

Быть пугу месту сему...

Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.
Анненский

Белая ночь 24 июня 1942 г. Город в развалинах. От Гавани до Смольного видно все как на ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы и поет соловей. Одно из окон третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

М о е м у г о р о д у

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, —
Я а́укалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей;
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете

Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью, тянет он.
А земля под ногами гудела,
И такая звезда¹⁴ глядела
В мой еще не брошенный дом,
И ждала условного звука...
Это где-то там — у Тобрука,
Это где-то здесь — за углом.
Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глубины —
Это нашей разлуки весть.
Не клади мне руку на тѣмя —
Пусть навек остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах...

*А за проволоккой колючей,
В самом сердце тайги дремучей —
Я не знаю, который год —
Ставший горстью лагерной пыли,
Ставший сказкой из страшной
были,
Мой двойник на допрос идет.
А потом он идет с допроса,*

*Двум посланцам Девки безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда —
Неужели это не чудо! —
Звуки голоса своего:
 За тебя я заплатила,
 Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
 Под наганом,
 Ни налево, ни направо
 Не глядела.
А за мной худая слава
 Шелестела.*

*А не ставший моей могилой,
Ты, гранитный, кромешный, милый,
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо:
 Я с тобою неразлучима,
 Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
 Звук шагов в Эрмитажных залах,
 Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом Поле,
 Где могу я рыдать на воле
 Над безмолвьем братских могил.
Все, что сказано в первой части
 О любви, измене и страсти,
 Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой город зашитый...
 Тяжелы надгробные плиты*

На бессонных очах твоих.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц...
Над тобой — лишь твоих прелестниц,
Белых ноченек хоровод.
А веселое слово — дома —
Никому теперь незнакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький,
Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась,
И над полным врагами лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась.*
И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И Quo vadis?¹⁵ кто-то сказал.
Но не дал шевельнуть устами,

*После этого следовало „первоначальное окончание поэмы“:

А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя „Седьмая“, ¹⁶
На неслыханный мчалась пир...
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир.

Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины
Сибирской земли.
От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток. **

Окончено в Ташкенте

18 августа 1942 г.

**После этого в ряде редакций следовало:
И себе же самой навстречу
Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву,
Ураганом — с Урала, с Алтая,
Долгу верная, молодая,
Шла Россия спасать Москву.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЭМЕ

- ¹ „Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет”.
(Новогодняя баллада)
- ²Три „к” выражают замешательство автора.
- ³Долина Иосафата — предполагаемое место Страшного Суда.
- ⁴Лизиска — псевдоним императрицы Мессалины в римских притонах.
- ⁵Анна Павлова.
- ⁶Шаляпин.
- ⁷Скобарь — обидное прозвище псковичей.
- ⁸Девять муз.
- ⁹ Soft embalmer — см. сонет Китса „К сну”:
O, soft embalmer of the still midnight
- ¹⁰Пропущенные строфы — подражание Пушкину. См. „Об Евгении Онегине”: „Смиренно сознаюсь также, что в Дон Жуане есть две выпущенные строфы”, писал Пушкин.
- ¹¹Баута — венецианская полумаска.
- ¹²Жаворонки — знаменитое стихотворение Шелли To the Skylark („К жаворонку”):
Слава тебе, веселый дух,
Птицей ты никогда не был,
Что с небес или возле них.
- ¹³Георг — лорд Байрон.

¹⁴ Марс летом 1941 г.

¹⁵ Quo vadis? — „Камо грядеши?“ — „Куда идешь?“

¹⁶ „Седьмая“ — 7-я „Ленинградская“ симфония Шостаковича. Первая часть этой симфонии вывезена автором на самолете из осажденного города (1. X. 1941).

